
БОРЬБА ЗА ПРИНЯТИЕ ДОКТРИНЫ «ГИБКОГО РЕАГИРОВАНИЯ» В НАТО И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ АЛЬЯНСА (1961—1969)

А.В. Пилько

Кафедра новой и новейшей истории стран Европы и Америки
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский просп., 27/4, Москва, Россия, 119992

Статья посвящена изучению процесса становления «гибкого реагирования» в качестве базовой военной доктрины альянса. В исследовании подробно рассматриваются причины принятия НАТО новых стратегических установок, а также реакция на них ведущих держав организации — Соединенных Штатов, Великобритании, Франции и Западной Германии.

Ключевые слова: НАТО, Североатлантический альянс, СССР, США, доктрина «гибкого реагирования», доктрина «массированного возмездия», Ш. де Голль, Р. Макнамара, Д. Стиккер.

Организация Североатлантического договора является крупнейшим и старейшим военно-политическим блоком на планете, в состав которого входят 26 стран мира, включая крупнейшие государства Северной Америки и Западной Европы. Вместе с тем НАТО сегодня переживает непростой, сильно затянувшийся по времени процесс внутренней трансформации, во многом связанный с переоценкой роли альянса на международной арене. С момента денонсации Варшавского договора в 1991 году она успела сменить две военные доктрины [1, 2] и готовится принять третью, общие положения которой опубликованы в июле 2009 года [3]. В 2009—2010 годах и в настоящее время мы можем наблюдать сложные переговоры между союзниками, пока не приводящие к каким-либо конкретным результатам. В связи с этим не будет лишним вспомнить, что альянс уже сталкивался с подобной ситуацией в прошлом. Начавшись после запуска советского спутника, жаркие дебаты по вопросу о смене военной доктрины НАТО были завершены лишь в конце 1969 года. Эти события представляются весьма актуальными и сегодня, поскольку позволяют понять, как Североатлантический блок сумел решить проблему «смены доктрины», т.е. адаптации к новым условиям.

Запуск советского спутника 4 октября 1957 года привел к тому, что «стратегическая неуязвимость» США была ликвидирована. Хотя Соединенные Штаты все еще имели превосходство в стратегических ядерных силах, не было никакой гарантии того, что они используют его, подвергая себя риску уничтожения в случае ограниченной советской военной акции. Такое положение дел давало почву все более крепнущему в Вашингтоне убеждению, что при локальном военном конфликте сдерживание может быть эффективным, только если Запад будет иметь в своем распоряжении более широкий спектр военных возможностей (помимо стратегического ядерного арсенала). В свою очередь, по целому ряду причин в Европе не считали необходимым значительное увеличение обычных вооруженных сил. Не говоря уже о финансовой стороне дела, европейцами решительно от-

вергалась идея о том, что на континенте можно допустить сколь-нибудь продолжительный военный конфликт.

В 1957—1961 годах дискуссия относительно новой доктрины велась в НАТО довольно вяло. Вопрос был переведен в практическую плоскость лишь президентом Кеннеди, который указал на необходимость коренного пересмотра американской оборонной политики. Об этом он заявил в специальном послании конгрессу о военном бюджете на 1962 финансовый год, которое было представлено 28 марта 1961 года [6. С. 232]. Вашингтон призывал к созданию более эффективной системы сдерживания, достичь которой можно было, по его мнению, путем развития новых, более гибких, неядерных военных средств. Одновременно в марте 1961 года бывший государственный секретарь США Д. Ачесон сделал доклад, посвященный проблемам, с которыми, по его мнению, Североатлантический альянс столкнется в будущем. Подготовленный совместно с государственным департаментом и министерством обороны доклад Ачесона трансформировал цели, намеченные Кеннеди, в задачи, стоящие перед НАТО. Он декларировал, что американская политика заключается в поддержке развития «атлантического сообщества» и тесной связи между Северной Америкой и Западной Европой. В части доклада, посвященной военным вопросам, говорилось, что в прошлом НАТО концентрировалась на строительстве своих вооруженных сил, нацеливая их главным образом на всеобщую ядерную войну, хотя это и не являлось наиболее вероятной угрозой для альянса. Доклад рекомендовал более прагматичный подход, который учитывал бы возможность возникновения иных военных сценариев, помимо полномасштабной агрессии и внезапного ядерного нападения [21. С. 30—35]. США не отвергали эту возможность как таковую, но подготовка именно к такому развитию возможного конфликта с Советским Союзом больше не являлась приоритетом. В ином случае сохранялась опасность, что НАТО ответит ядерным оружием даже на атаку, преследующую строго ограниченные цели, что неминуемо приведет к тотальной войне.

Рекомендации, содержащиеся в докладе Ачесона, были одобрены президентом 20 апреля 1961 года [7. С. 285—291]. Детальным образом новые американские предложения были сформулированы в мае 1962 года на заседании Североатлантического совета в Афинах. В его ходе американский министр обороны Р. Макнамара заявил, что США по-прежнему готовы ответить ядерным ударом на массивное советское нападение, которое невозможно будет остановить обычными средствами. Но одновременно он указал и на то, что ввиду ядерного превосходства НАТО крупномасштабная атака не кажется наиболее вероятным развитием событий. Как показал Берлинский кризис 1961 года, СССР мог преследовать и гораздо более ограниченные цели. Иными словами, могла сложиться такая ситуация, когда альянс первым должен был использовать ядерное оружие, поскольку в его распоряжении не было других средств. Естественно, последствия действий такого рода могли стать фатальными. Макнамара подчеркнул, что США не желают делать шаги навстречу развязыванию всеобщей ядерной войны. При этом он предупредил, что использование тактического ядерного оружия в Европе вызовет колоссальные разрушения и будет в военном плане неэффективным: «Для тех типов конфликтов,

которые, как мы полагаем, могут возникнуть в зоне ответственности НАТО, неядерные меры ответа кажутся тем, что альянс будет использовать с самого начала. Цель наших общих усилий — защита населения и территории стран НАТО. Для того чтобы достигнуть этого, по крайней мере, на начальной стадии, используя неядерные средства, необходимо, чтобы наша неядерная оборона начиналась там, где начинаются ... территории [стран НАТО]» [15. С. 217].

Новые инициативы США не могли не отразиться на политике Североатлантического альянса. На той же сессии Совета НАТО в Афинах в мае 1962 года по предложению генерального секретаря организации Д. Стиккера были одобрены «Основные положения об использовании ядерного оружия». В них США заверяли своих союзников в том, что они наведут свои стратегические ядерные силы на советские, нацеленные на Европу, и дадут этим целям равный приоритет с такими же целями, угрожающими непосредственно Соединенным Штатам [21. С. 74]. Относительно использования ядерного оружия США предложили договориться о следующем. Во-первых, в случае советской ядерной атаки альянс применит ядерное оружие, причем его ответ будет сопоставим с угрозой. Во-вторых, при крупномасштабной атаке с использованием обычных вооружений НАТО ответит ядерным оружием лишь в случае необходимости. В-третьих, если произойдет советское нападение иного рода, которое не может быть прекращено обычными средствами, решение об использовании ядерного оружия будет предметом предварительных консультаций в Совете НАТО [4. МС 14/3. С. 367—368].

Какова же была реакция американских союзников на стремление Вашингтона принять новую военную доктрину альянса? Наиболее жесткая отповедь на американские предложения последовала со стороны Франции. В отходе Вашингтона от доктрины «массированного возмездия» и упоре на обычные вооруженные силы Ш. де Голль нашел подтверждение тому, что США не пожертвуют своей безопасностью ради Европы. Ослабевание ядерных гарантий еще больше укрепляло Париж в намерении создать собственную систему ядерного сдерживания. Критика Вашингтона в отношении ядерных сил, действующих независимо от американского ядерного арсенала, и отказ сотрудничать с Францией были восприняты последней как открытый вызов французской политике [19. С. 229—238]. Великобритания также с настороженностью отнеслась к идее подчинить свою ядерную политику новой доктрине, поддерживаемой США. Г. Макмиллан рассматривал наличие независимых английских ядерных сил, скоординированных с американскими, как часть англо-американских «особых отношений» [20. С. 306—359]. Английское правительство поддерживало основную идею Макнамары о необходимости строительства сбалансированных вооруженных сил и стратегической гибкости, но предостерегало от чрезмерной ставки на обычные вооружения. По мнению Лондона, это могло подорвать доверие к сдерживанию. Западно-германская оценка новых американских стратегических приоритетов была неоднозначной, поскольку (в отличие от Великобритании и Франции) эта страна находилась в геополитическом плане непосредственно на передовом рубеже «холодной войны». Министерство иностранных дел было наиболее восприимчиво к американским идеям. Так, Г. Шрё-

дер, например, считал, что усиление обычных вооруженных сил позволит ФРГ не использовать ядерное оружие на ранней стадии возможного конфликта [16. С. 55—71]. Министр обороны Ф. Штраус, наоборот, был настроен скептически [18. С. 156; 10, 26.01.1962]. В его ведомстве полагали, что дальнейшее развитие событий вполне может привести к полному отходу США от принципов официальной стратегии НАТО и ее оперативной концепции.

Тем временем работа, направленная на подготовку альянса к принятию на вооружение доктрины «гибкого реагирования», инициаторами которой стали США, шла своим чередом. Первым ее этапом стало обсуждение документа об оценке угрозы, который должен был служить основой военного строительства и аргументировать необходимость стратегических изменений. Постоянная группа 22 июня 1963 года подготовила такой документ, получивший кодовое название «МС 100/1». Он был пересмотрен по требованию Военного комитета, и его окончательный вариант представлен 11 сентября того же года. Главным положением «МС 100/1» была концепция «обороны передовых рубежей». В случае проведения Варшавским договором «ограниченной военной акции» (точное значение этого термина оставалось неопределенным) предполагалось противостоять противнику, используя вначале только обычные вооружения. Тем не менее этот документ все же предполагал задействовать позднее весь спектр тактических ядерных и стратегических вариантов [5, МС 100/1 Draft Final. С. 14—15, 21]. Появление «МС 100/1» выявило существование в НАТО различных взглядов относительно того, когда и при каких обстоятельствах следует использовать в военном конфликте ядерное оружие. Американцы считали необходимым противостоять любой локальной агрессии вначале обычными вооружениями и призывали к их развитию. Французы, напротив, ратовали за мгновенный ответный ядерный удар по целям в СССР. Бонн во многом разделял французскую позицию по вопросу об использовании ядерного оружия. Взгляды же Западной Германии на «оборону передовых рубежей» были очень близки американским, но не полностью идентичны. Правительство ФРГ критиковало американскую идею воздержания от использования ядерного оружия для противостояния Варшавскому договору в Центральной Европе. Понять такую позицию было несложно. В противном случае Западная Германия рисковала потерять значительную часть своей территории. Бонн рассматривал безъядерную оборону как возможный вариант лишь в случае небольшого военного столкновения [12, 01.1965. С. 209—216]. Западно-германское правительство соглашалось с намерениями американцев обеспечить большую гибкость военной доктрины, однако рассматривало ограниченную ядерную войну как возможность укрепить «оборону передовых рубежей», а также усилить доверие к сдерживанию. Ядерный контрудар мог, в зависимости от типа и характера агрессии, представлять собой широкий спектр альтернатив, варьирующихся от демонстрационных ударов и использования тактического ядерного оружия до полномасштабной ядерной войны.

14 ноября 1963 года представители Военного комитета, за исключением Франции, поддержали документ «МС 100/1». 18 ноября французский представитель объявил, что Париж не может принять основную идею документа, и прервал

его дальнейшее обсуждение [17. С. 40—41]. Причины такого решения несколько позднее, в январе 1964 года, наиболее полно изложил начальник французского генштаба генерал Айере. Он, в частности, заявил, что «...существование мощного ядерного оружия, в случае, если это оружие использовать на всю глубину инфраструктуры противника, может позволить на стратегическом уровне оборонять позиции без какого-либо отступления» [5, Record-МС/СS 31. С. 23]. Последовавший в марте 1966 выход Франции из военной организации Североатлантического альянса существенно облегчил задачу американцев добиться принятия доктрины «гибкого реагирования». Поскольку французские возражения больше не надо было принимать в расчет, проблема реализации новой стратегической концепции свелась в основном к американо-западно-германскому диалогу. Он велся как на двустороннем, так и многостороннем уровне. Регулярные консультации министров иностранных дел и начальников штабов дополнялись созданием различных рабочих групп. На многостороннем уровне основное внимание уделялось дискуссиям в рамках учений по военному планированию, проводившихся с 1963 года по инициативе генерального секретаря Д. Стиккера. Они стали своеобразным форумом альянса, где обсуждались проблемы структуры вооруженных сил НАТО [17. С. 47]. В ходе его работы позицию ФРГ удалось изменить [17. С. 52]. В немалой степени уступчивость ФРГ объяснялась тяжелыми переговорами с США и Великобританией по вопросу о компенсационных платежах [22. С. 32—34].

В мае 1967 года Военный комитет и Комитет по военному планированию одобрили афинские «Основные положения», после чего процесс принятия доктрины становился уже формальным. Сдерживание вероятного противника предполагалось осуществлять на основе трех принципов: 1) решимости альянса действовать и защищать территории стран НАТО от нападения; 2) способности организации отвечать на любую форму агрессии быстро и эффективно; 3) гибкости в выборе военных мер, как ядерных, так и обычных, и, таким образом, невозможности для потенциального агрессора определить, каким образом ответит НАТО. В том случае, если сдерживание окажется неудачным, предлагались три варианта военной реакции: а) «непосредственная оборона», означавшая противостояние противнику на том уровне, который он сам выбрал, и воспрепятствование достижению его целей; б) «постепенная эскалация», задачей которой было остановить агрессора путем расширения зоны конфликта и интенсивности боевых действий; в) «всеобщая ядерная война», представлявшая собой высшую ступень сдерживания [4, МС 14/3. С. 357—359].

Проанализируем более подробно эти три фазы. Успешная «непосредственная оборона» должна была либо остановить агрессора, либо поставить его перед угрозой эскалации. В случае нападения без использования ядерного оружия это могло быть сделано обычными вооруженными силами. «Постепенная эскалация» была важной промежуточной стадией между требованием США уделять большее внимание обычным вооруженным силам в безъядерных конфликтах и стремлением европейцев к максимально раннему использованию ядерного оружия против территории противника. Применяя «постепенную эскалацию», атаку следовало отра-

жать ядерным оружием или географическим расширением зоны конфликта. Для этого случая НАТО имела в своем распоряжении широкий выбор: от открытия второго фронта до использования демонстрационных, либо избирательных ядерных ударов. Такое применение оружия массового поражения не предназначалось для обеспечения военных действий, а имело намерение послать политический сигнал. Агрессор должен был понять, что его действия зашли слишком далеко. Предполагалось держать расширение зоны и увеличение интенсивности конфликта под политическим контролем с целью избежать глобальной ядерной войны. «Всеобщая ядерная война» начиналась, когда агрессор продолжал, несмотря ни на что, враждебные действия. При переходе к ней предполагалось, что территориальная целостность НАТО не может быть восстановлена каким-либо другим путем, или противник ввел в дело значительные силы и сам применил ядерное оружие. В этом случае ответный ядерный удар наносился по стратегическим целям агрессора. Одновременно подчеркивалось, что в новой стратегической концепции представленные три фазы не означали их последовательного применения в качестве отдельных стадий. Тем не менее следует отметить и то, что обстоятельства, время и варианты применения тактического ядерного оружия на первой и второй стадиях остались неопределенными (следовательно, существовала возможность различной их интерпретации отдельными членами альянса). В таком виде документ «МС 14/3» был одобрен [8. С. 195—198; 13, 13.12.1967; 11, 13.10.1967; 14, 13.12.1967].

Подведем некоторые итоги. Принятие доктрины «гибкого реагирования» позволяло Вашингтону при определенных обстоятельствах избежать ядерной войны с Советским Союзом в случае обострения ситуации на европейском континенте. Такая политика США вызвала сопротивление со стороны западно-европейских стран, особенно Франции и Западной Германии. Наиболее категоричной была позиция Парижа. Де Голль объявил о неприятии новых американских стратегических установок. Французские военные требовали от руководства НАТО сохранения «массированного возмездия» и применения ядерного оружия уже на ранней стадии потенциального конфликта. Это, в свою очередь, было неприемлемо для США, добивавшихся от своих союзников увеличения численности вооруженных сил и принятия концепции «паузы» перед использованием стратегического ядерного арсенала.

Позиция ФРГ по отношению к доктрине «гибкого реагирования» была практически такой же категоричной, как и французская. Находясь на линии противостояния двух мощнейших военно-политических блоков, Западная Германия не желала превращать свою территорию в поле битвы. Бонн надеялся на сдерживающий фактор ядерного оружия, стремясь предотвратить любой конфликт в Европе как таковой. Западногерманскую политику в этом вопросе поддерживала и Великобритания. Финансовые проблемы не позволяли ей пойти на значительное увеличение численности своих вооруженных сил.

После выхода Франции из военных структур Организации Североатлантического Договора дискуссия о необходимости смены стратегической концепции НАТО свелась, в основном, к американо-западно-германскому диалогу. В его ходе,

а также в результате трехсторонних консультаций (США, ФРГ, Великобритании) был выработан компромисс, который, по нашему мнению, оказался более выгодным Соединенным Штатам, чем западно-европейским странам, поскольку стратегическая и оперативная концепции новой доктрины не давали четкого определения условиям, при которых следовало применять ядерное оружие. С другой стороны, они фиксировали отказ стран НАТО от применения оружия массового уничтожения на начальной стадии конфликта. Неопределенными оставались и такие важные для оперативного реагирования понятия, как «время ожидания», основные положения по использованию тактических ядерных вооружений, длительность обороны обычными средствами. Все это оставляло Вашингтону широкое поле для маневра в случае обострения обстановки в Европе.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] The Alliance's Strategic Concept, 24.04.1999 // http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_27433.htm
- [2] The Alliance's New Strategic Concept, 07—08.11.1991 // http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_23847.htm
- [3] Strategic Concept conference — 7 July 2009 — Palais d'Egmont, Brussels. Strategic concept conference 7 July 2009 — Keynote speech by The Hon. Madeleine K. Albright, Principal of The Albright Group LLC and former Secretary of State of the United States // <http://www.nato.int/cps/en/SID-83917E70-FAF3746B/natolive/search.htm>
- [4] NATO Archive. NATO Strategy Documents, 1949—1969.
- [5] NATO Archive. Military Committee Documents.
- [6] Public papers of the President of the United States. 1961.
- [7] Foreign relations of the United States, 1961—1963.
- [8] Texts of Final Communiqués, 1949—1974. NATO Press Office.
- [9] U.S. Security Issues in Europe: Burden Sharing and Offset, MBFR and Nuclear Weapons. — Washington, 1973.
- [10] Christ und Welt.
- [11] Die Welt.
- [12] Foreign Affairs.
- [13] Frankfurter Allgemeine Zeitung.
- [14] International Herald Tribune.
- [15] *Bobbit Ph., Freedman L., Treverton G.* U.S. Nuclear Strategy: A Reader. — N.-Y.; New York University Press, 1989.
- [16] *Erler F., Jaeger R.* Sicherheit und Rustung. — Koln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1962.
- [17] *Haftendorn H.* NATO and the Nuclear Revolution: A Case of Credibility. — Oxford: Clarendon Press, 1996.
- [18] *Kelleher M.* Germany and the Politics of Nuclear Weapons. — N.-Y.: Columbia University Press, 1975.
- [19] *Kohl W.* French Nuclear Diplomacy. — Princeton: Princeton University Press, 1971.
- [20] *Macmillan H.* Pointing the Way. — London: Harper & Row, Publishers, 1972.
- [21] *Stromseth J.* The Origins of Flexible Response: NATO's Debate Over Strategy in the 1960s. — N.-Y.: St. Martin's Press, 1988.
- [22] *Treverton G.* The "Dollar Drain" and American Forces in Germany: Managing the Political Economics of Alliance. — Athens, Ohio: Ohio University Press, 1978.

**THE STRUGGLE FOR THE FLEXIBLE RESPONSE
EMBRACEMENT BY NATO AND ITS INFLUENCE
ON THE ALLIANCE (1961—1969)**

A.V. Pilko

Modern and Contemporary Studies of European and American History Chair
Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky av., 27/4, Moscow, Russia, 119992

The article is devoted to the studying of the process related to the implementation of the flexible response doctrine in NATO. The author analyses key factors that led to the new doctrine appearance and the U.S., U.K., French and West German attitude to it.

Key words: NATO, North Atlantic alliance, USSR, USA, flexible response doctrine, mass retaliation doctrine, S. de Gaulle, R. McNamara, D. Stikker.